

Верному другу и спутнику – Мане Он шагал впереди меня по косогору, и осклизлые камни по макушку вдавливались в мох под его сапогами. По всему косогору сочились ключи и ключики, загородившись от солнца шипучей осокой, звонко ломающимися купырями, ветками смородины. Над всей этой мелочью смыкались вершинами, таили чуть слышные, почти цыплячьи голоски ключей черемухи, ивы и ольшаники. В них перепархивали птицы, с мгновенным шорохом уходили в корнища мыши, прятались совы, вытаращив незрячие в дневном свете глаза. Здесь птицы и зверьки жили, плодились, добывали еду, пили из ключей, охотились друг за другом и потому жили постоянно настороже. Петь улетали в другое место, выше, на гору, откуда птицам раньше было видно всходявшее и позже закатывающееся солнце. И когда они пели, на них никто не нападал. Я видел только спину Степана Творогова. Он то исчезал в кустах, то появлялся на чистине. На спине его под вылинялой рубахой напряженно глыбились лопатки, не в меру развитые. Шел Степан, чуть подавшись вперед, и правое плечо его тоже было выдвинуто чуть вперед. Он весь был напряжен, собран в комок, ноги ставил твердо, сразу на всю ступню. Рук у него не было, и он должен был крепко держаться на ногах. Иногда он все же падал, но падал обязательно на локти или на бок, на это, чуть выдвинутое вперед плечо. Падал легко, без шума и грохота, быстро вскакивал и шел дальше. Я с трудом поспевал за ним, хватаясь за кусты, за осоку и за все, что попадалось на пути. Об осоку, по-змеиному шипящую под ногами, я порезал руки и про себя ругался, думал, что Степан нарочно выбрал этот проклятый косогор, чтобы доказать мне, как он прытко ходит по тайге. Один раз он обернулся, спросил участливо: – Уморились? – и, не дожидаясь ответа, предложил: – Тогда давайте посидим. Я сел возле ключика, который выклевал себе щелку в косогоре и кружился в маленькой луночке под мохом, а потом ящеркой убежал в густую траву. В ней он отыскивал другой ключик, радостно проворковав, бросался к нему с крутобокого камня. В луночке, где рождался ключик, был крупный, добела промытый песок. И чуть шевелился и вместе с песком плавал то вниз головой, то кверху брюшком муравей. Должно быть, луночка казалась ему огромным стихийным морем, и он уже смирился с участью и только изредка пошевеливал лапкой, стараясь уцепиться за что-нибудь. – Охмелел, – улыбнулся Степан. Он взял култышками сучок, сунул его в луночку. Муравей уцепился за сучок, трудно выполз на него, посидел, посидел и рванул в траву, видно, вспомнил про жену и семейство. Степан выкинул сучок и упрятал обрубки рук в колени. Я уже заметил, что, когда он сидит, обязательно прячет култышки с подшитыми рукавами. Лицо его было задумчиво. Морщин на лице немного, но все они какие-то основательные, будто селились они не по прихоти природы и были не просто морщины, а вехи, отмечающие разные, непустячные события в жизни этого человека. Белесые ресницы, какие часто встречаются у людей северного Урала, были смежены, но сквозь них меня прощупывал внимательный, строгий взгляд. Я напился из ключа и курил. Степан вроде бы дремал, а может, давал мне возможность отдохнуть на природе. Рядом лежало его ружье, а на груди, возле самого подбородка висел патронташ. Патроны он доставал зубами и зубами же вкладывал их в стволы ружья. Курок спускал железным крючком, привязанным ремнями к правой култышке. Он целый год придумывал это приспособление и однажды увидел на двери собственной избы обыкновенный дверной крючок из проволоки. Сено Степан косил, засовывая култышку в железную трубку, приделанную к литовищу вместо ручки, а другую культю он просовывал в сыромятную петлю. Это он изобретал около двух лет. Топорище приспособил быстрее – всего за полгода. Длинное топорище, с упором и плечо и с петлей возле обуха. В петлю он вставлял култышку и рубил, тесал, плотничал. Сам избу срубил, сам сено поставил, сам пушнину добывает, сам лыжи сынишке смастерил, сам и флюгер-самолет на крышу дома сладил, чтобы как у соседского парнишки все было. Как-то на Новый год один заезжий железнодорожник полез двумя лапами к его жене – Наде, Степан отлупил его. Сам отлупил. Железнодорожника еле отобрали, и теперь он в гости к Феклину, свояку, больше не приезжает. Руки Степану оторвало на шахте взрывчаткой. Было ему тогда девятнадцать лет. Нынче нет шахты в поселке – выработались пласты, заглох и опустел поселок. Осталось всего несколько жилых домов: лесника, работников подсобного хозяйства и охотника Степана Творогова – бывшего шахтера. Обо всем этом я уже расспросил Степана, и все-таки оставалось еще что-то, оставалось такое, без чего я не мог писать в газету, хотя имел строгий наказ привезти очерк о безруком герое, лучшем охотнике "Райзаготпушнины". – Поздно вы приехали, – с добрым сочувствием проговорила Надежда. – В?снусь надо было. Степа тогда пушнины на три годовые нормы сдал. А сейчас никакого процента мы не даем. Я при доме, Степа тоже до зимнего сезона своими делами занимается. – У человека наказ, – строго сказал Степан, – есть ли, нет ли у нас процент – это начальства мало

Астафьев Виктор Петрович Руки жены astafevvictor.ru

касается. Отдай работу и все. Обскажете, что и как. Может, он сообразит, – и, помедлив, тоже посочувствовал: – И попало же вам задание! Ну что о нас писать? Мама, ты покажи фотокарточки всей родни нашей, может, там чего подходящее сыщется... Я знаю теперь всю родословную Твороговых. Знаю и о том, как тяжело и долго переживала мать грянувшее горе. Степан у нее был единственным сыном, а "сам" без вести пропал в "нонешнюю" войну. И все-таки, все-таки... – Вы на охоту набивались, чтобы посмотреть, как это я без рук стреляю? – прервал мои размышления Степан. – Да. Собственно, нет, – смешался я, – просто хотелось пройти по уральской тайге, посмотреть... – Посмотреть? – сощурился Степан. Он наклонил голову, откуда-то из-за ворота вынул губами рябчинный манок, привязанный за ниточку, и запищал. В кустах тотчас ему задорно откликнулся петушок и, хлопнув крыльями, поднялся с земли. Глаза Степана оживились, и он подмигнул мне: – Сейчас прилетит! Тут их пропасть, рябков-то... Степан еще пропищал, и рябчик, сорвавшись с ели, подлетел к нам, сел на гибкую иву, закачался, оглядываясь с задиристым видом, дескать, которые тут подрались звали. Степан сшиб его с куста, неторопливо продул ствол ружья, вложил новый патрон, подобрал птицу и, ничего не сказав, пошел дальше. Когда мы поднялись на гору, он остановился и тихо молвил: – Вот, смотрите, раз хотели... Я смотрел. Передо мной, насколько хватало взгляда, были горы и леса, дремные горы, тихие леса в осенней задумчивости. Паутина просек, дорог и высоковольтных трасс изморщинила лицо тайги с нездоровым и оттого ярким румянцем. Горечь надвигающегося увядания угадывалась во всем. Речки кружились, затягивали в желтые петли горы с суземным лесом, и казалось, что в расщелинах, логах и распадах обнажились нервы земли. Все кругом было величаво, спокойно. Предчувствие долгого сна таилось в лесах, и шорох облетающих листьев уже начинал усыплять его, нашептывая об осенних дождях, о глубоких снегах и о весне, которую надо долго и терпеливо ждать, потому что все живое на земле и леса тоже живут вечным ожиданием весны и радости. Очарованные печальной музыкой осени, обнажались леса, роняя листья в светлые ручьи, застилали зеркала их, чтобы не видеть там отражения своей неприятной наготы. Земля надевала шубу из листьев, готовилась к зиме, утихали звуки на ней, и только шорох был всюду от листа, и шум от речек, заполневших от больших рос, инеев и часто перепедающих, но пока незатяжных дождей. Но гора, на которой мы стояли, жила вроде бы отдельно от всего леса. Она была обрублена лет десять назад, и пней на горе было много, гнилых, с заплесневелыми срезами и сопревшими опятами по бокам. Вокруг пней густо взошел липняк, рябинник, березки. Они уже заглушили всходы малинника и кипрея, заняли полянки покосов, соединились меж собой и как-то играючи, без грусти сорили вокруг листьями, желтыми, бордовыми, рыжими, а тонкие рябинки были с первым урожаем, с первыми двумя-тремя пригоршнями ягод и показывали их всем хвастливо, доверчиво. На рябинник этот валились дрозды, и кричали громко, деловито, склевывая крупные ягоды, и перепархивали клубящимися стаями с деревца на деревце, и оставались после них рябинки без ягод. Вид у них был растерзанный. Тогда в них начинали тонко, успокаивающе наговаривать синицы, затем, мол, и родились вы, рябинки, чтоб кормить птиц ягодами. – Так что же вы решили? – неожиданно задал мне вопрос Степан. Я пожал плечами, проводил взглядом заплотом взметнувшуюся стаю дроздов. – Не знаю. – И тут же признался: – Мне будет трудно писать о вас. Наверно, ничего не выйдет. – Конечно, не выйдет, – уверил меня Степан, тоже провожая глазами птиц. – Что обо мне писать-то? Что я – калека и не пошел милостыню просить, а сам себе хлеб зарабатываю? Так это мамкина натура – мы никогда чужеспинниками не были, всегда своим трудом кормились. – Он немного помолчал, повернулся ко мне, посмотрел на меня пристально и, ровно бы в чем-то убедившись, спросил мягко: – Вы не обидитесь, если я вас маленько покритикую? Как говорится, критика – направляющий руль, да? – Где уж мне обижаться? И называй меня, пожалуйста, на "ты". – Ты так ты, это даже удобней. Так вот. Четвертый день ты у нас живешь и все потихоньку выведываешь – что к чему. И все возле меня да возле меня. А что я? – Он тут же посмотрел на себя, на сапоги, на патронташ, на ружье и только на култышки не посмотрел. – Надо было, дорогой человек, к Надежде присмотреться. Руки ее – вот что, брат, главное. И всего их две у нее, как и у всякого прочего человека. Но зато уж руки! Да что там толковать! Говорю – главное. – Он доверительно придвинулся ко мне. – А как ты об них напишешь? Ну, как? Если же не напишешь о главном, значит, нечего и бумагу портить. Так? Я вот про себя скажу. Вот я ее люблю. Другой раз думаю: выпью и скажу ей про это. И все равно ничего не выходит. Вот кабы ты сумел так написать, как я в уме своем иной раз говорю про нее. Или как вот в песнях поют. А так едва ли получится. – Он на минуту задумался, лицо его сделалось добрым и простоватым. – Да-а, хитрое это дело – высказать все, что на сердце. Нету слов-то подходящих, все какие-то узенькие, линиялые. Ну да шут с ними, иной раз и без слов все понятно. Знаешь что? – Он опять поглядел на меня, ровно бы взвесил глазами. – Ладно, пойдем. Покажу я тебе кое-что, и не ради чего там, а как мужик мужику... К

поселку шла высоковольтная линия. Ногастые, костлявые опоры растолкали на стороны лес и кусты. Под опорами окопано. Меж опорами грузно осевшие стога сена. На их прогнутые спины намело листья с деревьев. Лежат они, догорают. А стога затягивает темнотою, и оттого вид у них среди зеленой отавы угрюмый, одинокий. В одном месте широкую просеку с линией наискось пересекал ручейшко, прячущийся в торфянистых кочках и под изопревшей сланью. Ручейшко безголосый, робкий, а все же с живою водой. И оттого тесно жметя к нему мелочь. А одна кособокая черемуха выползла из урманной темени вслед за ручьем на трассу. Контролер участка отчего-то не срубил черемуху, думал, видимо, покорыститься с нее в урожайный черемухный год или по каким другим причинам. Степан остановился подле черемухи, сделавшей несмелый шаг из тайги, оглядел ее с комля до вершины, но не так, как меня оглядывал. Мягким, теплым взглядом он ровно бы огладил всю черемуху и приветливо улыбнулся ей. Я еще никогда не видел, чтоб улыбались дереву, тем более черемухе, и тоже с интересом взглянул на нее. Черемуха как черемуха, одна из тех, о которой поют, стихи сочиняют и ломают ее иной раз до смерти. Птичьими глазками глядели с ее ветвей блестящие от сока ягоды на побуревших кистях. Листву уже тронула коричневая рябь, и один ее бок, что был к солнцу, подпалило. Под черемухой доживала лето тощая трава и прела с листвою вместе, распространяя грибной запах. – Сломи-ка, – попросил Степан, глянув на черемуху. Я с охотой взялся за дело, сломал много веток с тяжелыми кистями и бросил их на колени Степану. Он подносил ко рту ветки, срывал губами маркие ягоды и благодушно ворковал: – Сладка, холера! Рябина да черемуха – уральский виноград! – Он тут же отбросил ветку в сторону и брезгливо сморщился: – Фу, погань! На полуообсохшей ветке сереньким комком соткана паутина, и в ней копошились, жили в липком уюте зеленые червяки. Так вот они и обитают в этой паутине, начисто сжирая листву и молодые побеги черемухи, а когда подрастут, народят такое же зеленое, гнусное потомство, которое целиком дерево не губит, но расти и плодоносить ему мешает. Степан больше не трогал черемуху, а смотрел поверх леса, на голубоватое, но уже тоскующее о дождях и снеге небо и о чем-то неторопливо думал. Потом повернулся в мою сторону: – Ты чего притих-то? – Ягоды вот ем. – А-а, ягоды на этой черемухе добрые и мне памятные. И он стал рассказывать о том, как в конце солнечного августа, на закате лета шли они с Надеждой из больницы вдоль этой линии высоковольтной. Они не были женаты. И познакомились не так давно, в однодневном доме отдыха, куда за добрые дела время от времени посылали рабочих отоспаться, поесть вкусной пищи и развлечься. Надежда работала тогда уборщицей в конторе шахты и мыла разрядку, с черными от угля стенами, с черным от угля и шахтерских сапог полом. А до возраста, пока не получила паспорт, жила лет шесть в няньках. Раза три или четыре они ходили вместе в клуб, смотрели кинокартины. Раза три или четыре Степан провожал Надежду домой. В Троицу они были на лугах, праздновали лето по старинному русскому обычаю, с самоваром. В этом поселке, как и во многих других уральских поселках, охотно отмечались праздники новые и старые, и пили на них одинаково много. Там, на лугах, Степан первый раз поцеловал Надежду, а назавтра ему оторвало кисти обеих рук. Беда заслонила от Степана все: и шахту, и свет, и Надежду. Все, кроме матери. Он вспомнил о ней сразу, как только пришел в себя после взрыва, и потом уже не переставал мучиться ее горем. Сгоряча ему было не больно и не страшно. Страшно сделалось потом, когда в городской больнице захотелось помочиться. Он терпел два дня, боялся заснуть, чтобы не сделать грех под себя. Мужики в палате предлагали ему свои услуги. Он отказывался. пылая жаром от стыдливости, думал: "Вот так всю жизнь?.." Ночью Степан встал, подкрался к окну, но палата была на первом этаже. Он застонал, прижался лицом к марле, натянутой от мух, и вдруг услышал: – Степа, ты не мучайся. Я здесь, около тебя. Дома все в порядке. Мать не пуцаю к тебе. Сердце у нее... Он ткнулся в марлю, порвал ее, в темноте нащупал раскаленными от боли култышками Надю, притиснул к себе и заплакал. Она, еле видная в потемках, зубами рвала марлю, не отпуская его, рвала, чтобы коснуться губами лица его, чтобы он чувствовал – живой человек, вот он, рядом. – Худою в уме не держи, – настойчиво шептала она ему в ухо. – Ладно все будет. Не держи худого-то... И он от этого плакал еще сильнее и даже пожаловался: – Руки-то жжет, жжет... И Надя стала дуть на забинтованные култышки, как дуют детишкам на "ваву", и гладить их, приговаривая: – Сонный порошок попроси. Как-то он мудрено называется, не помню. Во сне скорее заживет. Попроси уж, не гордись. И худого не думай... – а сама дула и дула ему на култышки. И то ли от Надиных слов, то ли от выпланных слез пришло облегчение, и он уснул на подоконнике, прижавшись щекой к крашеной оконной подушке. Утром он сам попросил мужика, что был попроще с виду, помочь ему справить нужду. Надя каждую ночь приходила под его окно – днем она не могла отлучаться с работы. Он отговаривал ее: – Ты хоть не так часто. Все же восемнадцать верст туда да обратно... – Да ничего, ничего, Степа. Я привычная по ночам не спать. Всю жизнь детишек байкала, чужих. В день выписки она пришла за

Степаном, первый раз появилась в палате и стала деловито связывать в узелок его пожитки. Степан безучастно сидел на кровати, спрятав в колени култышки, и молчком глядел на нее. И все мужики в палате тоже глядели на нее. Надежда смущалась от такого внимания, спешила. А когда собрала все, улыбнулась больным и скованно раскланялась: – Поправляйтесь скорее. До свиданья. – И еще раз поклонилась. Больные недружным хором попрощались с ней и сказали несколько ободряющих слов Степану, от которых он еще больше попасмурнел и спешно вышел из палаты. Половину пути они прошли молча. Лишь один раз Надежда, заглядывая сбоку, робко спросила: – Может, попить хочешь? Он угрюмо помотал головой: – Нет. По печальному тихому небу беззвучно летел реактивный самолет с комарика величиной, растягивая за собой реденущую паутину, а потом из этой паутины завязал восьмерку над их головой и взвился искоркой к солнцу. – Ишь ведь мчится! – заговорила Надежда. – Как только перепонки в ушах у этих летчиков не лопаются? Степан пожал плечами – при чем тут перепонки? Лето вон к концу идет, скоро картошку копать надо, дрова запасать, сено с делян привезти, а чем, как? Совсем некстати вспомнился Костя-истребитель. Этого Костю не раз видел Степан в городе. Сидел Костя посреди тротуара в кожаной седухе, коротенький, бойкий, с модными бакенбардами, и не просил, а требовал, заученно рассказывая о своей беде: "Три „мессера“ на одного „лавочкина“... и вот приземлили, с-суки! Кинь рублевку на опохмелку, если совесть есть..." Свести у наших людей доплатна, последнее отдадут, разжалобить их дважды два, особенно култышками, особенно безрукому. И потом что же? Вывалиться вроде Кости-истребителя из пивнушки, гаркнуть: "Л-любимый город может спать спокойно-о-о!.." И самому лечь спать тут же, у пивнушки? ?Тьфу ты! Навязался еще этот истребитель!" – отмахнулся Степан от Кости и попытался думать о другом. Но и о другом ничего веселого не думалось. Скоро вот, через час-два, придет в поселок, и высылет все малочисленное население этого поселка встречать. Бабы начнут сморкаться в передники, сочувствовать ему, а мать будет боязливо гладить его по плечу и прятать слезы, чтобы "не растревлять" душу ему и себе. Скупой пасечник Феклин с подсобного хозяйства принесет банку меду. Таинственно и многозначительно сунет он ее матери на кухне. С протяжным бабьим вздохом скажет: "Ох-хо-хо, судьба ты судьба – кобыла крива, куда завтра увезет – не знаешь!" – и станет деликатно переминаться и чего-то ждать. Мать засуетится, спроворит закуску, вынет из сундука поллитровку. Феклин будет отнекиваться для приличия, а потом скажет: "Ну уж если по одной", – и затешется на весь вечер за стол. Выпьет первую, подставляя под рюмку ладонь, а потом вторую, третью, уже не подставляя руки, и поведет разговор на тему: "Как надо уметь жить". И станет приводить себя в пример, удивляя людей своей пронциательностью, ловкостью, бережливостью. И все будут терпеливо слушать Феклина, хотя и знают, что мужик он нехороший, любит выпить на дармовщинку, что трепло он и скупердяй, и липкий, как та банка с медом, которую он приносит всем, будь то погорелец, хворый или жених. Совсем стало тошно Степану от этих мыслей. "Может, Надька турнет Феклина-то из избы?" – он посмотрел на Надежду сбоку. Брови у нее сомкнулись на переносье. Лицо было скуласто, строго, а губы широкие, улыбочивые. Что-то доверчивое, доброе было в этих губах. Степан отвернулся, подавил вздох – не мужицкое это дело – вздыхать на весь лес. И вообще, поговорить бы с Надеждою. Как теперь быть? Что делать? "Эх, лучше бы уж одному все переживать. Зачем она на себя взвалила мою беду? Зачем?" Под ногами зачавкал разжультканый торф. Они подошли к ручью. – какая черемуха чернушая! – воскликнула Надежда и бросилась к дереву, подпрыгнула, пересилила толстую ветку, наклонила: – Держи! Степан боднул ее взглядом: чем держать-то? Но тут же придавил ветку коленкой и совсем близко увидел быстрые руки Надежды, обрывающие кисточки, сбитый набок ситцевый платок и проколотую мочку уха, которую уже затянуло, заволокло, потому что сережек Надежда так и не сподобилась приобрести. Уборщицы зарабатывают на хлеб и на мыло, а нянькам вместо зарплаты отдают недоношенные платья и стоптанные ботинки. Она нарвала полный подол кисточек с ягодами, села на траву и скомандовала: – Отпускай, будем есть. Степан отпустил ветку, и та, взъерошенная, общипанная, поднялась над их головами, качнулась и растерянно замерла. – На! – сказала Надежда и поднесла к губам Степана кисточку. Холодноватые ягоды обожгли его губы. Он отстранился: – Не хочу. – Как хочешь. А я поем. Я люблю черемуху и, пока до отвала не намолочусь, с места не подымусь. – Дело твое. Она ела ягоды и больше не заговаривала с ним. И по всему было видно, что ей вовсе уж и не хочется ягод и что молчанием она тяготится и чего-то настороженно ждет. Степан неотрывно смотрел перед собой на стрекозу, которая застряла в скошенной осоке и трещала, трещала, выбиваясь из сил. Захотелось подойти или помочь ей, или раздавить сапогом. Он отвел взгляд от изнемогающей стрекозы. Прямо перед ним, за опорами высоковольтной линии, стоял стеною лес с обруленным подростком по краям. К лесу этому меж торфяных кочек пробирался через запретную линию ручейшко, боясь забормотать. Прихваченные первыми инеями, к нему клонили седые головы цветочки,

они были квелые, грустные. И все вокруг не радовало глаз, все было на перепутье между летом и осенью. – Так как же мы будем, Надежда? – прервал тяжелое молчание Степан. Она, должно быть, устала ждать от него разговора, вздрогнула, но сказала спокойно: – Как все, так и мы. Он еще больше нахмурился: – Это как понимать? – Обыкновенно. – Сказала. Надежда покосилась на него, сердито шевельнула перехлестнувшими переносицу бровями: – Эх, Степан, ты Степан, Степка Николаевич! И чего ты все сторожишься? Видно, чужая я тебе? А вот у меня совсем другое отношение. – Рук у меня нету, Надя. – Ну и что?! – быстро вскинулась она. – А это чего? Грабли, что ли? – и показала на свои, замытые водою, иссаженные занозами от половиц руки с коротко остриженными ногтями. – Да ну тебя! – рассердилась она, вытряхнула из подола черемуху и поднялась: – Пошли уж, чего травить самим себя. Он не поднялся, а глядя под ноги, на брошенные кисточки черемухи, глухо произнес: – Прости. – Да за что прощать-то? Глупый ты, глупый, – и взерошила его мягкие, ласковые, словно у дитенка, волосы. Он обхватил ее култышками, ткнулся лицом в живот, как тыкался когда-то в передник матери. – Так как же нам быть-то? Надежда прижала его к себе, поцеловала в голову, потом в щеку, потом в губы, которые с готовностью и жаром ответили ей на поцелуй. – Степанушко! – Надя, стыдно-то как!.. – когда любишь, ничего не стыдно, – шептала она, припадая к нему. – Ничего не стыдно. Ничего... – Стыдно, сты-ыдно, – плакал он и скрипел зубами. Пораженная тем, что она сделала, Надя лежала отвернувшись и молча кусала траву, чтобы задавить те задолго припасенные обвинительные слезы, которыми прощаются с девичеством и встречают неотвратимую бабью долю. На слезы эти она уже не имела права. Степан шевельнулся и снова произнес, как из-под земли: – Прости. Она резко поднялась, поправила юбку, сказала: "Не смотри" – и долго возилась у ручья. Вернулась прибранная, суровая, уронила руки: – Вот и поженились, – помедлила секунду, тронула черемуху, потрепала ее дружески: – Черемуха венчала нас, только она и свидетель. Так что, если угодно, можно и по сторонам – черемуха не скажет... – Да ты что, Надя! – чувствуя, что говорит в ней невыплаканная бабья обида, заторопился Степан. – Пойдем к матери, объявим, все честь честью... – Чего же объявлять? – усмехнулась Надежда. – Я манатки свои давно к вам перенесла. В тот день, когда беда стряслась, я и переехала с котомкой: чем кручиниться старухе одной, лучше уж вдвоем. – Она закусила губу, потупилась: – Видишь, какая я настырная да расторопная. Окрутила мужика... – А вот это ты зря говоришь, Надежда, – упрекнул ее Степан. – Зря и все! – Заметив, что у нее дрогнули губы, добрые, теплые губы, он поднялся с земли, прикоснулся щекой к ее щеке. – Да если ты хочешь знать, я могу влезть на гору и кричать на весь поселок и на всю землю, какая ты есть баба и человек! И могу я воду выпить, в которой ты ноги помоешь, и всякую такую ерунду сделать... – Ну, понес мужик! – отмахнулась Надежда и утерла ладонью глаза, рассмеялась. – Вроде бы и не пил, а речи, как у пьяного. Пошли уж давай до дому. – А и правда пошли, чего высказываться, – опамятовался Степан и крутнул головой: – Прорвет же... – Вот так, брат, – задумчиво протянул Степан после того, как рассказал все, и мы прошли километров пять молча. – Так вот две руки четьрьмя сделались. Сын растет. Тошка. Во второй класс нынче пойдет. Все, брат, в русле, ничего не выплеснулось. Надя – матица, весь потолок держит. Без нее я так и остался бы разваренной картошкой. И завалился бы, глядишь, под стол. Смекай!.. Мы подходили к дому Степана. Вдруг он кинул мне ружье, а сам кубарем покатился с косогора, повторяя: – Вот баба! Вот баба! Никак ее не осаврасишь, все из шлеи идет! Внизу Надежда везла из лога на самодельной тележке сено. Степан подбегал к ней, что-то горячо заговорил. Когда я спустился ниже, до меня долетели слова Надежды: – Преет сено-то. – Мне коня в собесе дадут. Чего ты запрягаешься? Я вот поеду и потребую. – Так я и позволила тебе в собесе пороги околачивать, – возражала Надежда. – И не шуми. Я последний промежек дотаскиваю. А коня в собесе пусть инвалиды немощные возьмут, им он нужней. – Во, характер! Якорь ее задави! – как будто сокрушенно пожаловался мне Степан и впрягся в тележку сам, решительно отстранив жену. Она воткнула вилы в копну сена и принялась толкать тележку сзади. Все так же, с тихой печалью обнажались лиственные леса в распадках и над речками; все так же мохнатились суземной тайгой горы, пряча в ее пазуху последнее тепло и линяющих перед снегом зверьков; все так же стояло над миром доброе пока еще небо, но уже с набухающими облаками. А те двое, как бы слитые воедино со всем, что было вокруг них, толкали тележку с сеном, медленно и упрямо поднимались в косогор. На склоне его стоял срубленный в лапу дом, а на крыше носом в небо целился деревянный самолетик с жестяным пропеллером. Ветра не было, и пропеллер не шевелился, не звенел, но мне казалось, самолетик вот-вот вырвется из тайги, поднимется выше гор и полетит далеко-далеко. 1961

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!

Астафьев Виктор Петрович Руки жены astafevvictor.ru
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши [buckshee](http://buckshee.ru). Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!